

Perettś, Vladimir Niko-
laevich
Скоморошьи вирши.

Title transliterated:
morosh'i virshi

В. Перетцъ.

СКОМОРОШЬИ ВИРШИ

ПО РУКОПИСИ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКА.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
изъ
„ЕЖЕГОДНИКА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ"
сезона 1896—1897 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1898.

Аркадию Иоакимовичу Лященко

В. Перетцъ.

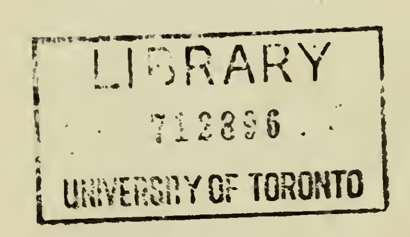
СКОМОРОШЬИ ВИРШИ

ПО РУКОПИСИ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКА.

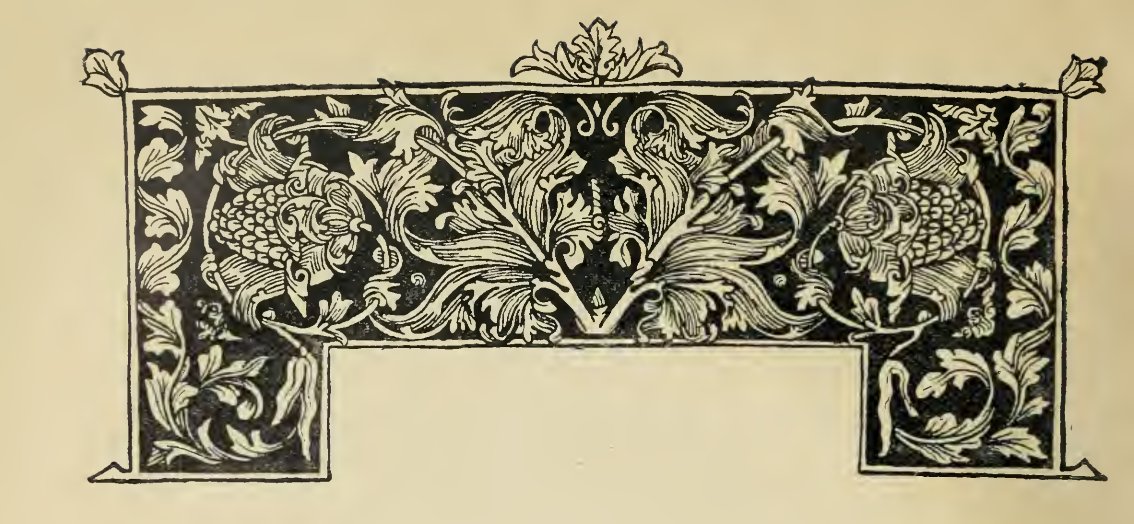
ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
изъ
„ЕЖЕГОДНИКА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ"
сезона 1896—1897 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 мая 1898 г.

СКОМОРОШЬИ ВИРШИ.

Скоморошьи вирши

ПО РУКОПИСИ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКА.

Въ цѣломъ рядѣ старыхъ пьесъ польско-русскаго театра XVII и XVIII вв.—въ школьной драмѣ, свившей себѣ гнѣздо въ Кіевской академіи и разнесенной ея питомцами по всей Россіи, мы встрѣчаемъ интерлюдіи—забавныя сцены, вставленныя въ серьезную пьесу, съ цѣлью ее разнообразить и повеселить зрителей, утомившихся нравоучительнымъ представленіемъ.

Такія интерлюдіи,—частью уже изданныя, частью находящіяся пока въ рукописяхъ [1]),—даютъ намъ понятіе о томъ «комическомъ», которое нравилось нашей публикѣ XVII—XVIII вв. Комическая или «шутовская, дурацкая персона», выступающая въ интерлюдіи, — либо обжора, уродъ и трусъ [2]), либо развеселый молодецъ, забубенная голова, которой, по русской поговоркѣ, «все—трынъ-трава» [3]). Въ лицѣ Сусакима, гаера, Ѳомы-музыканта и Еремы-поплюханта—героевъ ряда нелѣпѣйшихъ похожденій—знакомимся мы съ тѣмъ шутовскимъ типомъ, который былъ любимымъ въ Россіи въ теченіе

[1]) Свѣдѣнія о нихъ см. у *П. О. Морозова*: «Исторія русскаго театра», стр. 60 и слѣд., а также у *Н. С. Тихонравова:* «Лѣтописи русской литературы», кн. V, и др.

[2]) См. у *Д. А. Ровинскаго:* «Русскія народныя картинки», т. I, стр. 313 («Объѣдало»), и др.

[3]) См. у *Н. С. Тихонравова:* «Драматическія произведенія», т. I, стр. 485 и слѣд., и др.

прошлаго вѣка. Если же къ этому списку прибавимъ «иностранныхъ дураковъ»—Петруху Фарноса и Гоноса, взятыхъ изъ итальянской пантомимы, то списокъ будетъ почти полонъ [1]).

Въ XVIII вѣкѣ любили шутить, и хоть шутамъ приходилось порою тяжеленько [2]), всетаки ихъ любили послушать. Острое ихъ слово, приправленное солью, не слишкомъ чистой и весьма грубой, создавало имъ большую популярность: они попадали въ лубочные листы, и славныя ихъ имена разносились по всей тогдашней Россіи.

Наша народная комедія многимъ обязана этимъ шутамъ и скоморохамъ. Изданіе Д. А. Ровинскаго «Русскія народныя картинки» служитъ драгоцѣннымъ источникомъ для знакомства съ характеромъ шутовскихъ продѣлокъ, остротъ и присказокъ стараго времени, частью сохранившихся въ народномъ обиходѣ и понынѣ. Но, безъ сомнѣнія, новые матеріалы для ознакомленія съ этимъ родомъ народнаго творчества могутъ шире освѣтить начальную исторію русскаго театра. И такіе матеріалы находятся. Лубочныя картинки сохранили намъ, между прочимъ, забавный текстъ въ картинкѣ, изображающей «Семикъ и Масляницу» [3]), причемъ самая картинка — иностраннаго происхожденія, изображаетъ Вертумна и Помону, а подпись—русская. Другая картинка на ту же тему представляетъ разговоръ Масляницы съ Семикомъ, послѣ котораго слѣдуетъ рядъ изображеній, показывающихъ, какъ гуляютъ на масляницѣ посадскіе, скачутъ на свиньяхъ, пьютъ, пекутъ блины—полная картина праздника объяденія и пьянства [4]).

До сихъ поръ сохранились, по традиціи, шутовскія представленія для народной массы во время масляницы и святой недѣли, стоящія въ связи съ средневѣковыми масляничными играми. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи справляются проводы масляницы, и еще недавно разыгрывались, судя по словамъ Тихонравова [5]), народныя сценки, попавшія даже въ лубочныя картины (которыхъ, впрочемъ, не находимъ въ извѣстномъ трудѣ Ровинскаго) [6]).

Въ дополненіе къ извѣстіямъ о масляничныхъ скоморошьихъ играхъ и прибауткахъ, мы можемъ указать на интересный текстъ, находящійся въ

---

[1]) *Морозовъ.* «Исторія русскаго театра», т. I, стр. 16.

[2]) Припомнимъ шутовскую свадьбу въ «Ледяномъ домѣ».

[3]) *Ровинскій.* «Русскія народныя картинки», т. I, стр. 308, № 94.

[4]) Тамъ же, стр. 303 и слѣд.

[5]) «Лѣтописи русской литературы», кн. III, а также «Начало русскаго театра», стр. 14.

[6]) *Морозовъ.* «Исторія русскаго театра», т. I, стр. 12, прим. 2.

рукописи половины XVIII вѣка; онъ принадлежитъ Императорской Публичной библіотекѣ и недавно поступилъ въ нее изъ собранія покойнаго академика Ѳ. И. Буслаева [1]). Эта рукопись представляетъ собою сборникъ, писанный скорописью нѣсколькихъ почерковъ и полууставомъ, переходящимъ въ скоропись половины XVIII в., въ четверку, на 43-хъ листахъ. Она содержитъ «Помянникъ повседневный», въ коемъ послѣднимъ упомянутъ епископъ суздальскій Сильвестръ († 1760) [2]). За симъ мы находимъ здѣсь «Молитву триvпостасному Богу Вседержителю». Далѣе—«Переводъ съ польскаго письма печатной книги. Тетрати выданіе о добронравіи». Затѣмъ слѣдуетъ опять молитва. Вотъ послѣ нея, на листѣ 21-мъ, и находится интересующая насъ статья, писанная риѳмованною прозою, предназначавшаяся, вѣроятно, для увеселенія народа на святой недѣлѣ. Потомъ идетъ краткая хронологія событій отъ сотворенія міра до Воскресенія Христова, выбранная изъ хронографа. Далѣе—«Прикладъ о памяти смертней, чтобы человѣкъ не согрѣшалъ», глава 3 — повѣсть изъ «Римскихъ дѣяній», а именно: глава IV русскаго перевода, соотвѣтствующая главѣ LVI латинскаго и LIV французскаго текста [3]). Наконецъ, послѣдней статьею является повѣсть «О Аполлоніи Тирскомъ»—также изъ русскихъ «Римскихъ дѣяній» (конецъ ея утраченъ).

«Помянникъ», по мнѣнію описавшаго рукопись, И. А. Бычкова, писанъ (на основаніи замѣтокъ на листѣ 6-мъ) лицомъ духовнаго званія. Весьма вѣроятно, что и весь сборникъ вышелъ изъ среды грамотеевъ семинаристовъ, и вирши, интересующія насъ, также обязаны своимъ происхожденіемъ лицу изъ того самаго круга, въ которомъ сложились первыя русскія интерлюдіи и вообще драматическія произведенія.

Содержаніе этихъ виршъ въ краткихъ словахъ таково:

Прочь хренъ ретка толокно кисель и квасъ,
Когда приспѣла матушка весна до на҃,

---

[1]) «Отчетъ Императорской Публичной библіотеки», за 1894 годъ, описаніе рукописей Ѳ. И. Буслаева, № 94 (=Q. XVII, № 214).

[2]) Это извѣстіе приписано позже и иными чернилами, такъ что возможно отнести написаніе рукописи къ болѣе раннему времени.

[3]) «Римскія дѣянія» (Gesta Romanorum), изданіе Общества Любителей Древней Письменности (Спб. 1878), стр. XXXIV (гдѣ невѣрно эта статья обозначена подъ № V) и стр. 100 — 104; въ другихъ русскихъ спискахъ разсказъ занимаетъ 5-е, 4-е и 6-е мѣсто (*Пташицкій*. «Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянской переработкѣ». Спб. 1897).

Прочь лап̓ти волосеники сермяги худыя,
Уже мнѣ наᵃлежиᵗ носить ѿласы драгия —

возглашаетъ авторъ и славитъ весну; всѣ ей рады, и каждая птица: синицы, воробьи, утки, пѣтухи хвалятъ ее по-своему, а равно и звѣри: волки, барашки, козлики,—словомъ

.....и нѣ вся тварь в радости пребываетъ.

За симъ авторъ рекомендуется—не только философомъ и богословомъ, но и пѣвцомъ, могущимъ «партесъ воспевать» (тутъ же и строка нотъ) и плясать «по волоску» (по итальянски), по французски, по казацки и по цыгански «хаидука скакать»: во всей Москвѣ не найдется другого такого молодца. Между прочимъ, онъ и торговлей занимается, только порою отъ торга случается, что ноша отъ спины отстаетъ (отъ побоевъ). Онъ недоволенъ городскими жителями, предпочитая деревенскую простоту. Онъ храбро сражается съ своими врагами и въ бою не уступаетъ. Главные же его враги — не люди, а пироги, которымъ онъ отсѣкаетъ головы, лепешки, жареная говядина; медъ, пиво, ренское—все ему покоряется, и двойное вино умираетъ отъ страха, боясь его. Онъ побѣждаетъ стаканы большіе и малые и тутъ же предлагаетъ зрителямъ убѣдиться въ этомъ:

Изволте только в рꙋки мнѣ подати,
Бꙋдꙋтъ в рꙋкахъ моихъ какъ мыши пищати.

Но зрители, видимо, не обнаруживаютъ такой любознательности. Тогда, сконфуженный и разочаровавшійся въ ихъ щедрости, скоморохъ высказываетъ желаніе поскорѣе проводить праздники и отправиться затѣмъ въ Польшу воевать со шведами, гонять ихъ, какъ зайцевъ; а когда онъ ихъ наловитъ, то обѣщается подарить зрителямъ хоть одного, въ доказательство своего геройства. Тогда его будутъ уважать и почитать важнымъ генераломъ. Онъ способенъ на все это, такъ какъ умѣетъ хорошо сражаться даже съ хрѣномъ и киселемъ и знаетъ шляхетское благородное обхожденіе: умѣетъ обмануть, своровать, выторговать. Въ заключеніе, авторъ высказываетъ пожеланіе всѣмъ покаяться и сбыть грѣхи, поздравляетъ съ наступленіемъ весны и проситъ *дать по копѣечкѣ за увеселеніе.*

Теперь обратимся къ тѣмъ отдѣльнымъ мѣстамъ виршъ, которыя допускаютъ возможное объясненіе. Мы постараемся освѣтить ихъ съ помощью данныхъ литературы и народной жизни Россіи XVIII вѣка.

Первые стихи 1—6, какъ намъ кажется, представляютъ собою довольно правдоподобно пародію на старую церковную проповѣдь. Манера, которая

здѣсь пародируется можетъ быть отмѣчена во многихъ «Словахъ» одного изъ популярнѣйшихъ въ старой Руси духовныхъ ораторовъ и отцовъ церкви— Іоанна Златоустаго [1]); ей подражали и русскіе проповѣдники, напримѣръ, хотя бы извѣстный митрополитъ кіевскій Иларіонъ, въ своемъ «Словѣ о законѣ и благодати». Манера эта заключается въ противоположеніи во времени трактуемыхъ явленій.

Стихи 9—11:

Вес на красна: (2) приспѣ ѡчемъ вашимъ вла жна,
Да҇же Б҃же (2) веснꙋ краснꙋ всеⷨ господамъ нашимъ —

имѣютъ рядъ параллелей въ народной пѣснѣ. Въ двухъ веснянкахъ, напечатанныхъ Сахаровымъ [2]), читаемъ начало:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?... и т. д.

или:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью....

Сходныя обращенія къ веснѣ находятся и въ малорусскихъ пѣсняхъ; такъ, въ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», снаряженной Географическимъ обществомъ, читаемъ:

Ой весна красна, що намъ вынесла?... [3])
Ой весна, весна, що намъ принесла?... [4])

Стихи 13 — 40 изображаютъ ликованіе птицъ вмѣстѣ съ людьми по поводу наступленія весны. Это мѣсто также находитъ себѣ не одну параллель въ народной словесности. Сравнимъ, напримѣръ, это мѣсто (стихи 25—35):

Ворона кричитъ кра-кра-кра,
А г҆рачъ вос певаетъ гра-гра-гра,
Чаика поетъ кигикъ-кигиⷦ-кигикъ,
Дергꙋнъ деротъ дирь-диⷬ-диⷬ,
А воробеичикъ свирчитъ чвирь-чвирь-чвирь,
Сорока скрежеⷳ҇тъ скреге-ге-ге-ге,

---

[1]) Хотя бы въ «Словѣ» его на Рождество Христово, начинающееся: «Днесь обетшанію моему обновленіе приходитъ...» и т. д., весьма извѣстномъ во многихъ рукописныхъ сборникахъ XV—XVIII вв.

[2]) «Сказанія русскаго народа», т. I, стр. 260.

[3]) *Чубинскій.* «Труды экспедиціи», т. III, стр. 109, № 1, А, Б и В.

[4]) Тамъ же, стр. 160, № 74.

А гꙋсакъ гегаетъ ї с҆ гꙋс҆ми ге-ге-ге,
Болшая ут҆ка квакаетъ к҆ва к҆ва к҆ва,
А маленкая уточка квакаетъ такъ-такъ-такъ,
Инъдепс҆кия петꙋхи кричать кꙋгикꙋ,
А наши домовые петухи поютъ какорѣкꙋ... —

съ слѣдующими отрывками изъ великорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Шейномъ [1]), и мы увидимъ, что многія выраженія даже прямо совпадаютъ:

Гусынька га-га, га-га!
Уточка госко, поско!
Пырочка пыръ, пыръ, пыръ!
Курочка по сѣнюшкамъ
Кудахъ, тахъ, тахъ! и т. д.

Далѣе, въ слѣдующихъ куплетахъ перебираются всѣ домашнія животныя: корова, кошка, свинья; во второмъ варіантѣ Шейна прибавляется еще барашекъ и коза. Изображеніе разговора птицъ обычно въ старой русской литературѣ того народнаго слоя, въ которомъ подвизались скоморохи веселые молодцы. Въ рукописяхъ XVII и XVIII вѣковъ извѣстны были сочиненія анонимныхъ авторовъ, подъ заглавіемъ: «Птичей совѣтъ», «Слово о птицахъ небесныхъ», «Сказаніе» о нихъ же, «Чины на мори разнымъ великимъ и малымъ птицамъ» [2]), давшія отраженіе въ народной пѣснѣ [3]), лишь немного видоизмѣнившей «Сказаніе о птицахъ небесныхъ» и «Чины». Кромѣ того, названная тема была разработана въ аллегорической сатирѣ «Хоръ къ превратному свѣту» А. Сумароковымъ [4]).

Въ стихахъ 62—66:

На все вамъ могꙋ въ тотъ чаⷭ ѿвещавать.
Не токмо из славнои философиі,
Но иⷥ самои преславнои б҃гословиі,
И не толко поⷣисъпꙋтовать,
Но и партесъ воспевать... —

можно видѣть слѣды семинарскаго происхожденія настоящихъ виршъ [5]): въ связи съ общимъ характеромъ сборника, писаннаго лицомъ духовнаго

[1]) *П. В. Шейнъ.* «Русскія народныя пѣсни», стр. 275—279, №№ 32 и 33.

[2]) *Хрисановъ Лопаревъ.* «Древнерусскія сказанія о птицахъ» («Памятники Древней Письменности», т. CXVI).

[3]) *А. И. Соболевскій.* Великорусскія народныя пѣсни, т. I, стр. 583.

[4]) *С. А. Венгеровъ.* «Русская поэзія», вып. II (1893), стр. 262.

[5]) Вспомнимъ о тѣхъ бурсакахъ, о которыхъ пишетъ *митрополитъ Евгеній* въ «Описаніи Кіево-Софійскаго собора» (приложенія, стр. 216). Ср. у *Нарѣжнаго,* въ романѣ «Бурсакъ», бурсаковъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе пѣніемъ.

происхожденія, можно предполагать изъ того же класса и автора, искусившагося, можетъ быть, въ семинарской премудрости того времени. Одно, впрочемъ, можетъ показаться противорѣчіемъ высказанному нами предположенію: вирши совершенно не имѣютъ характера свойственнаго семинарскому стихотворству XVIII вѣка, а, напротивъ, отзываются слишкомъ сильно живой народной рѣчью, присказками и прибаутками.

Стихи 71—75 о плясках[1])—итальянской, казацкой и др.—еще болѣе придаютъ свѣтскій характеръ этимъ виршамъ.

Что касается до стиховъ 84—94, о ловкой, плутовской торговлѣ, то они также имѣютъ общее съ народными прибаутками на эту тему.

Въ стихахъ 100 — 110 авторъ или произносившій вирши скоморохъ рекомендуется читателю или зрителю:

Или дꙋмаютъ дꙋракомъ мене быть,
А смотря на лице могли бы догадатися,
Что такого дрꙋгаго мудреца нелзя нигдѣ изыскать... —

обычная манера въ старыхъ пьесахъ: дѣйствующія лица сами сообщаютъ о себѣ, кто они, чѣмъ отличаются, что намѣрены дѣлать [2]). Далѣе вирши продолжаютъ характеристику такъ:

Что есть господинъ глаза какъ у сокола что ночью лѣтаютъ [3]):
А брови какъ у соболя что мыши хватаютъ [4]),
Воˢраста малаго а лицемъ ѕело краснымъ,
Добраго серᵈца и всемъ есть страшны,
Нѣ опасаюсь воистинꙋ на свѣте ничего,
И не боюсь непріятеля никакого,
Ибо я самъ воинъ знаю какъ баталію дати...

---

[1]) О пляскахъ, обычныхъ въ XVIII вѣкѣ, см. у *Д. А. Ровинскаго*: «Русскія народныя картинки», т. V, стр. 245 и сл., а также у *В. Михневича*: «Историческіе этюды», т. II, стр. 281 и сл.

[2]) Тоже и въ кукольномъ театрѣ «Петрушки»: «Здравствуйте, господа! я пришелъ къ вамъ сюда»... и т. д. (Моя статья: «Кукольный театръ на Руси», напечатанная въ «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1894—1895 гг., приложенія кн. 1-я, стр. 85).

[3]) Ироническое выраженіе—у летучей мыши или у совы.

[4]) Соболь, что хватаетъ мышей,—кошка. «Очи какъ у сокола, брови какъ у соболя»—обычное пѣсенное выраженіе. Въ сборникѣ, почти современномъ тому, изъ котораго взяты нами разбираемыя вирши, читаемъ также въ одной пѣснѣ: «Черны брови соболя, ясны очи сокола, походочка павиная, рѣчь лебединая (?)» (Сборникъ XVIII вѣка, рукопись Императорской Публичной библіотеки. О. XIV, №№ 11 и 40). Это обычная черта въ народномъ эпическомъ описаніи красоты. Ср. *Гильфердингъ*: «Онежскія былины», № 123.

Достаточно сравнить эту характеристику внѣшности скомороха съ тѣмъ, что говоритъ о себѣ гаеръ въ интермедіи половины XVIII вѣка [1]): «Голова моя буйна! Куды ты мне кажесса дурна! Уши не какъ у людей, будто у чюцкихъ свиней; глаза какъ у рака, взираютъ нимака. Ротъ шириною в одну сажень, а носъ на одну педень; лопъ какъ бычачей, а волосы подобны шерсти свинячей. Брюхо—волынка: э! диконькая детинка! *Где сыщешь такого удалца, доброго дородного молотца*, что бороца и битца, и с козами беситца. Вить не сыщешь другова кроме меня інова!...». Гаеръ даже хвалится также и храбростью своею: «...А ежели ударю мертвого петꙋха, то выскочитъ из него трибуха. А ежели ударю мꙋхꙋ, то небудетъ въ ней и духу; а хоша какую арте͠ комаровъ, то разганяю всехъ, какъ сушихъ воровъ. *Уже я и самъ дивилса*, что такой родился и какъ здесь ачутился...». Также представляютъ себя зрителю и дурацкія персоны въ лубочныхъ забавныхъ картинкахъ прошлаго столѣтія—Фарносъ и Пигасья: «Знavалъ ли ты Фарноса, желаешь-ли ты посмотрѣть краснова моево носа? Жену мою Пигасью видалъ-ли ты? Вести такія про насъ слыхалъ ли ты?...» и т. д. [2]). Пріемъ здѣсь общій—одинъ и тотъ же во всѣхъ названныхъ случаяхъ: это ироническое возвеличиваніе дѣйствующаго или говорящаго лица съ усиленнымъ сгущеніемъ красокъ. Такая отрицательная характеристика, въ важномъ, возвышенномъ тонѣ, должна

---

[1]) *Тихонравовъ*. «Русскія драматическія произведенія 1672 — 1725 гг.», т. II, стр. 485. Мы приводимъ это мѣсто по рукописи, послужившей Н. С. Тихонравову—Толст. собр. V, Q, № 62 (=Публ. Б., Q. XVII, № 4, л. 9 об. и слѣд.). Нельзя не отмѣтить, что издателемъ не только измѣнено правописаніе, но и допущенъ цѣлый рядъ ошибокъ, порою измѣняющихъ самый смыслъ текста интермедіи; такъ, на стр. 485: «еще» — слѣдуетъ «еще *ж*», «съ крас*ными*» — надо «с красн*ыя*»; стр. 486: «хороводѣ» — «*кара*воде», «въ кочергу» — «в *корчагу*»; стр. 488: «дивку» — «бꙋдꙋ *чл͞вкꙋ*», «теперь»—«т*о*перь»; стр. 489: безъ оговорки переставлены рѣчи старухиной дочери, старухи и шляхты; стр. 490: «хочу» — надо «*не*хочу», «хотѣлъ бы»—«хотѣлъ *было*», «батюшка»—«батюшк*о*»; стр. 491: «маненько»—«малень*ка*», «потщился»—«*почтилса*», «спѣсива» — «спе*ш*ива», «жареную» — «жаркꙋю»; стр. 492: «атласу» — «отласу», «такое»—«*к*акое», «оглядить» — «*а*гледитъ»; стр. 493: «дружка» —«дрꙋ*жокъ*», передъ словами: «а она не спитъ...» опущено: «хозяи͠ спитъ», «вставай» — «*с*тавай»; стр. 494: «хоть»—«хо*шь*», «стараго»—«*его*»; стр. 496: «хоть»—«хожь», «ералашъ»—«ер*о*лашъ», «давно»—«да*м*но»; стр. 497: «старикъ (?)» — «*мꙋжикъ*»; стр. 498: «ословинка»—«осло*п*инка» (отъ ослонъ—дубина), «я обученъ хлѣба...» и т. д. — «я обученъ *есть* хлѣба...». Сверхъ того, опущено много находящихся въ текстѣ «интермедіи» особенностей народнаго говора, по которымъ можно пріурочить данную пьесу къ болѣе или менѣе опредѣленной мѣстности.

[2]) *Ровинскій*. «Русскія народныя картинки», т. I, стр. 334. Издано 5 разъ—съ половины XVIII в. и до 40-хъ годовъ текущаго столѣтія.

была увеличивать забавность шутовскихъ дурацкихъ персонъ и вызывать смѣхъ зрителей.

Не меньшій смѣхъ зрителей должно было возбуждать продолженіе этой характеристики автора или скомороха, произносившаго эти вирши. Главными непріятелями храбраго воина являются всегда имъ побѣждаемыя разныя кушанья (стихи 114 и слѣд.):

А наипаче тѣ неприятели побѣждени бываютъ,
Что ихъ пирогами лепешками нарицаютъ
Напредь въ смерть с ними дратися бꙋдꙋ...
Всякомꙋ пирогꙋ главꙋ усекати,
А иныхъ с лепешками въ полонъ позасылаю,
А болшие пироги всѣ в кондалы позабиваю...
....и в томъ надеждꙋ полагаю,
Что и жаренꙋю говядинꙋ в рꙋки поимаю,
Которая мнѣ ѕѣло много мешаетъ,
Что не на всякъ денъ в рꙋцѣ мои попадаетъ,
Но какъ попадетъ межъ мое малые рꙋки,
Дознаетъ она ѿ мене превеликои мꙋки,
Нещадно онꙋю зꙋбами моими станꙋ кꙋсати,
Чтобы вси кости въ неи поламати.... [1])

Онъ большой любитель и разныхъ питей:

Медъ пиво ренское мнѣ поклонъ ѿдавало,
А что простое и двоеное вино ѿ страха умирало —

такъ какъ онъ не давалъ ему пощады и безжалостно вливалъ его въ горло, и такимъ образомъ посылалъ его въ вѣчную ссылку.

Картина обжорства и хвастовства способностью много выпить и съѣсть — общее мѣсто въ народномъ театрѣ и юмористикѣ прошлаго вѣка. Какъ пріемъ, содѣйствующій усиленію комическаго впечатлѣнія, это изображеніе обжорства дано въ пьесѣ «Іудиѳь», представленной предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ началѣ ноября 1674 года. Комическое лицо, воплощеніе грубаго чревоугодія, пьянства, трусости и всѣхъ пороковъ, солдатъ Сусакимъ, въ такихъ словахъ прощается со свѣтомъ передъ казнью: «Простите седмь вы веселія годовыя времена: младые цыплятка, ягнятка, яица свѣжія вешнія, кормленные каплуны и телята жареные, къ пасцѣ молоко, сметана, колачи крупичатые съ масломъ и молодые голуби жареные,

[1]) Въ подобныхъ же энергичныхъ выраженіяхъ описывается далѣе, какъ герой воюетъ съ хрѣномъ и киселемъ (стихъ 168).

лѣтніе скворцы и жаворонки, молодые ряпки, кролики и зайцы молодые осенніе, гуси жирные, утята, кислая капуста, вино, жаркое и мясо баранье въ пирогахъ... кишки жареные свиные, окараки и головы свиные жъ, студени, ребра свиные и желудки во всѣхъ корчмахъ! Простите, простите!» [1]).

Лубочная литература, вѣрное и едва-ли не самое точное отраженіе вкусовъ и настроеній народныхъ массъ, дала также нѣсколько экземпляровъ изображеній «объѣдалъ» и «опивалъ». На одной картинкѣ XVIII вѣка объѣдало сидитъ за столомъ, уставленнымъ кушаньями, а къ нему прислуга несетъ хлѣбъ, соусъ изъ птицъ, наливаютъ супъ изъ ведра, кормятъ его рыбой и жареными птицами. Текстъ гласитъ [2]): «...въ одинъ разъ четверть вина выпиваю, пудовымъ хлѣбомъ заѣдаю. Быка почитаю за теленка, козла за ягненка; цыплятъ куръ, утятъ, гусей и поросятъ употребляю для потѣхи—грызу ихъ какъ орѣхи. Кто мою пузу наполнитъ,—пять дюжинъ бурлаковъ накормитъ»... Далѣе этотъ обжора сравнивается съ слономъ: «Тотъ по возу въ день сѣна съѣдалъ и по десяти ушатовъ воды выпивалъ, да еще же по 12-ти пудъ муки въ лепешки пекали, да въ его же брюхо вилами пёхали»... Картинка эта скопирована съ французскаго оригинала [3]); но русскій мастеръ внесъ въ нее столько новаго, изгладивъ спеціальныя черты французской политической каррикатуры (на Людовика XVI), заимствованной, въ свою очередь, изъ похожденій Гаргантюа, что она можетъ быть названа вполнѣ русскимъ народнымъ произведеніемъ. Самые факты жизни XVII—XVIII вв. указываютъ на обжорство, какъ на обычный недостатокъ, порою почитавшійся тогда за особое молодечество [4]): Петръ Великій, Потемкинъ отличались этой способностью много ѣсть и пить; въ послѣднемъ же упражнялся со славою и знаменитый «Всешутѣйшій Соборъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго, если и въ народной устной поэзіи чудовищный образъ «объѣдалы» и «опивалы» нашелъ себѣ мѣсто. Не говоря уже о русскихъ народныхъ сказкахъ [5]), отмѣтимъ здѣсь шутливую пѣсню, въ кото-

---

[1]) *Тихонравовъ.* «Драматическія произведенія», т. I, стр. 184. Къ сожалѣнію, намъ не удалось свѣрить это письмо съ рукописью.

[2]) *Ровинскій.* «Русскія народныя картинки», т. I, стр. 313 и слѣд.. Правописаніе исправляемъ согласно современному.

[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 214.

[4]) Тамъ же, стр. 217.

[5]) Ср., напримѣръ, у *Аѳанасьева* (изд. 1897 г.), т. I—«Иванъ Быковичъ», стр. 166 (объѣдайло и опивайло), стр. 184, 186; т. II, стр. 440 (зять обжора).

рой осмѣивается лѣнивая, обжорливая жена [1]). За ея ловкое хозяйничанье мужъ рѣшилъ ее наказать, о чемъ она и разсказываетъ такъ:

Ужъ какъ билъ меня мужъ жидовинъ:
Привязалъ нитку ко соломинкѣ.
Первой разъ ударилъ по лавочкѣ—попало,
Другой разъ ударилъ по палочкѣ—попало,
Третій разъ ударилъ по мнѣ младой—попало.
Я со этыхъ-то побоевъ во постелюшку слегла,
Во постелюшкѣ—три недѣлюшки,
На четвертую недѣлю стала сбраживати [2]),
Стала сбраживати—сѣла ужинати.
Ужъ я съѣла молода семилѣтнево вола,
Семилѣтнево вола, да быка годовика,
Овцу яловую, свинью пакостную,
Пятьдесятъ поросятъ, да девяносто утенятъ,
Два ушата молока безъ хлѣба выхлебала
Два лукошка толокна пястямъ [3]) выхватала.
Ужъ я сѣла на лавку—роздумаласи:
Ино какъ меня младешеньку не ро́зорвало!

Пѣсня эта, записанная мною со словъ и пѣнія крестьянки Новгородской губерніи, Тихвинскаго уѣзда, не является одинокой: у соплеменныхъ народовъ—болгаръ, сербовъ, чеховъ—встрѣчаемъ аналогичныя пѣсни, разрабатывающія этотъ сюжетъ [4]). Эти народныя сказки и пѣсни показываютъ, какъ тѣсно сливаются нѣкоторые литературные типы съ народными и какъ получаютъ дальнѣйшее развитіе и разработку сюжеты, заимствованные хотя бы, какъ въ данномъ случаѣ, изъ переводной драмы и переводной же лубочной картинки.

Обращаясь къ стихамъ 170—171 виршъ:

---

[1]) Пѣсня изъ моего сборника, тетр. № 6, 1894 г. Варіанты см. въ «Пермскомъ Сборникѣ», т. II, стр. 4 (плясовая), а также у *А. Соболевскаго:* «Великорусскія народныя пѣсни», т. II, стр. 127.

[2]) «Сбра́живати»—сходить съ мѣста, двигаться.

[3]) «Пястямъ»—горстями.

[4]) *Караджичь.* «Српске пјесме из Херцеговине», стр. 285, № 291.—*Его же.* Српске народне пјесме», стр. 523, № 708 (Мома која мало вечера).—Сборн. отъ блг. нар. умотвор., ч. III, отд. I, кн. 7.—*Шапкаревъ,* стр. 106, № 1152 «Болното невешче».—*Sušil.* «Moravske národné písně», стр. 710, № 821.—*Kollar.* «Zpěvanky», II, стр. 118, № 24.

Ибо я шля'тичь по шляхецки все пост8паю,
Выторговать своровать о'ман8ть: все то я'знаю, —

отмѣтимъ еще разъ шутливую иронію, направленную, можетъ быть, противъ современныхъ автору петиметровъ, порою неимѣющихъ «гроша за душой» и живущихъ обманомъ и всяческимъ пронырствомъ. Сравнимъ это изображеніе съ тѣмъ, что даетъ намъ опять-таки лубочная картинка XVIII вѣка: «Панъ Трыкъ и Херсоня» [1]). «Я панъ Трыкъ, полна пазуха лыкъ»,—читаемъ подъ франтоватымъ молодцомъ-шляхтичемъ,—«хоша три дня не ѣлъ, а въ зубахъ ковыряю...». Другія картинки [2]) изображаютъ прокутившагося шляхтича и его мать, горюющую о неудавшемся сынѣ.

Таковы тѣ параллели въ литературѣ и народной словесности, которыя могутъ намъ освѣтить содержаніе настоящихъ скоморошьихъ виршъ.

Характеризовавъ содержаніе виршъ и указавъ тѣ общія мѣста, которыя роднятъ ихъ съ рядомъ произведеній народной словесности и лубочной литературы XVIII столѣтія, мы считаемъ небезполезнымъ остановиться на языкѣ ихъ. При первомъ же взглядѣ стиль поражаетъ своею разнохарактерностью, хотя въ общемъ близокъ къ тому, что находимъ въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ.

Прежде всего, отмѣтимъ церковно-славянскіе элементы и формы. Таковыхъ находимъ достаточное количество: тако*жде* (7) [3]), возбу*жд*ала (12), чл҇*вцы*, р8*цѣ* (128), *др*агия (4), глав8 (120), присп*ѣ* (9), попа*даше* (139), терпя*ше* (140), хо*щ*8 (179), нарицаютъ (116), догадатися (105), ѿвещавать (62), поюще (18), понеже (6, 144), аще (76), мощно (46, 156); зѣло (101, 109, 127), нѣсть (81), азъ (162), вы (85), мя (97), он8ю (131), убо (13, 153), мати (6), тварь (47), взрастомъ (76).

Великорусскій народный элементъ также значителенъ. Случаи аканья: к*а*во (133), *а*днакожъ (125), *о*тласы (4), к*о*ндалы (122), к*о*валеръ (162), б*о*талию (113), т*о*нцовать (67, 71, 83), оч*и*нъ (76), р*о*збиваетъ (149); кромѣ того, отмѣтимъ: *пе*рогови (162), п*е*рогамъ (165), при п*и*рогами (169), *ево* (141), въ *тво*гъ часъ (146), волосеники (3), *жи*вороночки (17), ниб8ть (61), ус8мневаю (100), т*ы*е (20), государецъ (58, 70, 78, 88), молотцу (93, 94), нѣ (102,, 109, 111), въ соболцехъ (95), во *омма*нѣ (178), дратца (169), мастеръ (84);

---

[1]) *Ровинскій*. «Русскія народныя картинки», т. I, стр. 451, № 222.

[2]) Тамъ же, стр. 452 и сл., №№ 224 и 225.

[3]) Здѣсь, какъ и ниже, цифра обозначаетъ стихъ.

здѣсь встрѣчаются также и случаи полногласія: въ полонъ (121), переправляти (5).

Но, наряду съ этимъ, мы встрѣчаемъ здѣсь и большое количество несомнѣнныхъ малоруссизмовъ, какъ въ звукахъ, такъ и въ формахъ и цѣлыхъ выраженіяхъ: деротъ (28), *х*рехи (185), в*си* кости (132), кокор*ѣ*кꙋ (36), соловейки (15), шпаки (22), воробцы (24), воробейчикъ (29), гꙋсакъ (31), хайдꙋка (72), молодикъ (75), раненко (15), веселенько (15), хорошенько (16), мен*е* (61, 82, 86, 101, 104, 130, 147, 190), при меня (153, 167), спѣваютъ (16), дознаваютъ (17), гегаеть (31), опроводить (154), оглядати (153), оглядаютъ (38), бекаютъ (43), мекаютъ (44), придавсь (59); выраженія: поволо̃кꙋ по итальяньски (71), идꙋ въ скоки (73), гꙋцъ-гꙋцъ (74), вытякать голꙋбца (80), торгъ добры поднесетъ (87). Прибавимъ сюда и слѣдующія рифмы: причин*ы*—н н*ѣ* (51—52), кꙋпит*и*—бит*ы* (91—92), нич*е*го (ничо́го) — никак*о*го (111 — 112), так*о*го—нич*е*го (146—147), им*ѣ*ти—побѣд*и*ти (123—124), перогов*и* — таков*и* (162—163). Здѣсь риѳмуютъ *ы-ѣ-и* и *о* съ *ё*, обличая малорусское происхожденіе виршъ.

Но въ стихѣ 69-мъ упоминается Москва, какъ мѣсто, гдѣ, видимо, произносятся эти вирши. Вѣроятнѣе всего, кажется намъ, предположить, что церковно-славянскій и малорусскій элементы принадлежали автору виршъ, можетъ быть, выходцу малороссіянину; что же касается до народныхъ великорусскихъ словъ и звуковыхъ особенностей, а равно приведенныхъ выше риѳмъ, то они принадлежатъ переписчику, тому лицу изъ духовнаго званія, которому обязанъ происхожденіемъ и весь сборникъ.

Итакъ, анализъ языка и содержанія виршъ, сохраненныхъ Буслаевской рукописью, даетъ намъ право сдѣлать въ заключеніе слѣдующіе выводы:

1) Сборникъ составленъ лицомъ духовнаго происхожденія, но любителемъ народнаго скоморошества.

2) Авторъ виршъ, какъ можно предполагать, былъ малорусскаго происхожденія и былъ знакомъ съ семинарской наукой.

3) Вѣроятно, составитель сборника не былъ авторомъ скоморошьихъ виршъ на святую недѣлю: данныя языка и видъ рукописи (безъ помарокъ) говорятъ противъ этого предположенія, и, кромѣ того, содержаніе ея рѣзко отличается отъ характера шутовскихъ виршъ.

4) Вирши на святую недѣлю представляютъ собою образчикъ скоморошьихъ монологовъ и имѣютъ связь съ современной имъ народной устной и лубочной литературой.

ТЕКСТЪ ВИРШЪ

по рукописи Императорской Публичной библіотеки (Q. XVII, №. 214).

21 л. Прочь хренъ ретка толокно кисель и квасъ,
Когда приспѣла матушка весна до нас,
Прочь лапти волосеники сермяги худые,
Уже мнѣ належит носить ѿласы драгия,
Воскорѣ уже надѣюсь на головѣ шапочку переправляти,
Понеже мнѣ все дастъ весна моя мати,
Которꙋю ѿ серца люблю такожде и величаю,
И здесъ пред всѣми вами песнь еи проспеваю,
Весна красна : (2) приспѣ ѡчемъ вашимъ влажна,
Даже Бже (2) веснꙋ краснꙋ всем господамъ нашимъ,
Во правдꙋ вес на красна уже настꙋпила,
Что не толко до радости нас но и птицъ возбуждала,
21 л. об. Нынѣ убо всякие разныя птицы
Вместѣ торжествуютъ со члвцы;
Какъ то соловеики раненько воспѣваютъ,
Веселенько хорошенько по садочкамъ спѣваютъ
А маленкие живороночки дознаваютъ,
Со веселиемъ поюще в горꙋ летаютъ,
А что чижи щеглы щꙋры ї косы,
Тые различно поютъ своими голосы,
Нꙋжъ дрозды шпаки коростели чанки и дергачи:
22 л. Болотные кꙋлики сороки вороны совы и грачи,
Сои ластовицы синицы перепелицы,
Такожь и под стрехою воробцы
Ворона кричитъ кра-кра-кра,
А грачь воспеваетъ гра-гра-гра,
Чаика поетъ кигикъ-кигик-кигикъ,
Дергꙋнъ деротъ дирь-дир-дир,
А воробейчикъ свирчитъ чвирь-чвирь-чвирь,
Сорока скрежещетъ скреге-ге-ге-ге,
А гꙋсакъ гегаетъ ї с гꙋсми ге-ге-ге,
Болшая утка квакаетъ ква ква ква,
А маленкая уточка квакаетъ такъ-такъ-такъ,
22 л. об. Индеиския петꙋхи кричать кꙋгикꙋ,
А наши домовые петухи поютъ какорѣкꙋ,
Во правдꙋ глю вся выкрикают,
Егда матꙋшкꙋ веснꙋ оглядаютъ;
Не точию вси нбсныя птицы,

Но ї вси звери и скоти волцы и лисицы,
РадՑются и торжествуютъ,
Что свою матՑшкՑ веснy чՑютъ,
Маленкие барашки бекають бе, бе, бе,
А козлики мекають ме, ме, ме,
ѡб ыных зверехь не хощՑ глаголати,
23 л. Бо и сами госՑдари ведаете: мощно вамъ ї знати,
Во истиннՑ нн҃ѣ вся тварь врадости пребываетъ,
А ѡ печали никакои не помышляетъ,
В такои радости ї я днесь пребываю
ѡднако жъ и не без печали быти себе знаю,
А скажу вамъ гд҃ри для какои притчины,
В радости и печали пребываю нн҃ѣ,
Моя гд҃ри таковая есмь притчина,
Что можетъ разсудить малая дѣтина,
Когда то я бывалъ прежде не ничто
Не думаите что есть возраста малаго,
И болшои того не можетъ доказать:
Что сеи гдрецъ изволитъ знать,
Ибо до всехъ в научени придавсь,
23 л. об. Никтко противъ меня с разՑмомъ не ставь,
Изволите толко ѡ чемъ нибՑть мене испрошать,
На все вамъ могՑ въ тотъ час ѿвещавать,
Не токмо из славнои философиї,
Но из самои преславнои бг҃ословиї,
И не толко подисъпՑтовать,
Но и партесъ воспевать,
А что тонцовать плясать,
Тѡ того невоспоминать,
Что на Москвѣ никака девица ни молодецъ
Не попляшетъ такъ какъ сеи государецъ
Ибо не толко знаю по полску ї по волоску тонцовать
Но умею по ѳранцՑскՑ по казацку и по цыганску хандՑка скакать:
24 л. БՑдеже не верите в тотъ часъ идՑ в скоки, (2)
Взявшись хорошенько рՑчками под бока го, го, гՑцъ, гՑцъ,
Право хорошъ молодикъ,
А ще самъ ї взрастомъ не очинъ великъ,
Да штожъ делать когда какъ: лՑчши молодецъ,
Не попляшетъ де такъ какъ сеи госՑдарецъ,
Право гдебы такого взыскати,
Чтобы умелъ голՑбца ногами вытякать,
Право воля ваша по всеи Москве нѣсть такого,

Какъ вы мене ізволите видеть молодца малаго,
I не толко умѣю хорошенко потонцовать,
24 л. об. Но и великои мастеръ что нибуть поторговать,
ВыторгУю бУдетъ вы неведомо: что дорогое,
Вотъ какъ вы мене и³волите видеть дитя малое,
Временемъ какъ торгъ добры по^а^несетъ,
Что сеи госУдарецъ полны: корманы с торгУ дн҃гъ несетъ,
А временемъ и такои торгъ бываетъ,
Что ѿ спины вся кожа ѿ^с^таваетъ,
Всяко слУчается продати и кУпити,
25 л. Но болши того есть что с торгУ идУтъ бити,
Что семУ добромУ молотцУ не страшно ничего,
Какъ вы мне и³волите видеть молотца малаго;
Когдась бывало хожУ в соболцахъ: надувшись,
И не такъ какъ н҃нѣ бѣднои согнУвшись,
Что говорятъ великие господа бывало мя почитали,
А мУжики деревенские ѿдалече и шапки снимали,
А здесь в городе что за люди право не знаю,
Какъ станУ дУмать то самь ся УсУмневаю,
25 л. об. Что видятъ мене чл҃вѣка ѕѣло умного,
А нѣ дадУтъ мнѣ здѣсь началства никакого,
Или то ѿ'ни нѣ смѣють со мною поговорить,
Или дУмаютъ дУракомъ мене быть,
А смотря на лице могли бы догадатися,
Что такого дрУгаго мудреца нелзя нигдѣ изыскать,
Что есть господинъ глаза какъ у сокола что ночью лѣтаютъ:
А брови какъ у соболя что мыши хватаютъ,
Во³раста малаго а лицемъ ѕело краснымъ,
26 л. Добраго ср^д^ца и всемъ есть страшны,
Нѣ опасаюсь воистинУ на свѣте ничего,
И не боюсь неприятеля никакого,
Ибо я самъ воинъ знаю какъ баталию дати,
И какъ неприятеля своего с поля и³бивати,
А наипаче тѣ неприятели побѣждени бываютъ,
Что ихъ пирогами лепешками нарицаютъ,
Напредь въ смерть с ними дратися бУдУ,
И никогда имъ того не позабУдУ,
Не такъ бУдУ ихъ крепко воевати
Всякому пирогУ главУ усекати,
26 л. об. А иныхъ с лепешками въ полонъ позасылаю,
А болшие пироги всѣ в кондалы позабиваю,
И никогда над ними милости не бУдУ имѣти,

Толко бы мнѣ далъ Б҃гъ иˣ весма победити,
Аднако жь и в томъ надеждꙋ полагаю,
Что и жаренꙋю говядинꙋ въ рꙋки поимаю,
Которая мнѣ ѕѣло много мешаетъ,
Что не на всякъ денъ в рꙋцѣ мои попадаетъ,
Но какъ попадетъ межъ мои малые рꙋки,
Дознаетъ она ѿ мене превеликои мꙋки,
27 л. Нещадно онꙋю зꙋбами моими станꙋ кꙋсати,
Чтобы вси кости в неи поламати,
Узнаетъ она каво то заимати,
И како мнѣ на помешке бывати,
Когда то мнѣ ничто противно не бывало,
Медъ пиво ренское мнѣ поклонъ ѿдавало,
А что простое и двоеное вино ѿ страха умирало,
То меня за велика мꙋчителя на себя знало,
Ибо когда нибꙋть в рꙋки мое попадаше,
Превеликое мꙋчение ѿ мене терпяше,
Того ради что в горло ево вливаю
И тако его в вечнꙋю зсылкꙋ посылаю
27 л. об. Вси стаканы болшие и малые равно побеждаю.
Понеже до самого дна всѣ выпиваю:
Ежели не верите и хощете знати:
Даите стаканъ в твотъ часъ бꙋдꙋ васъ уверяти,
Посмотрите мене такого
Что ї не останетъ в стакане ничего:
Ибо сеи молодецъ таковъ: сердитъ бываетъ,
Стаканы и пироги беˢ милости роˢбиваетъ,
Изволте толко в рꙋки мнѣ подати,
Бꙋдꙋтъ в рꙋкахъ моихъ какъ мыши пищати,
А понеже вижꙋ не хощете мне иˣ дати,
28 л. Не скоро убо меня здесь бꙋдете ѡглядати,
Даити мнѣ Б҃гъ сеи праздникъ опроводить,
Поиду в полшꙋ шведовъ какъ заицовъ ловить,
По истиннѣ мощно ихъ назвати заицами,
Ибо слово слово какъ заицы бѣгаютъ пред нами,
А когда иˣ наловлю себѣ много:
То я вамъ братцы подарю ѡдного
Дабы вси меня добраго молодца знали,
И за великаго генерала почитали,
Ибо азъ славны ковалеръ шветки перогови,
28 л. об. Не взыщется мнѣ равенъ никто такови,
Что бы зналъ какъ шведовъ побеждати,

А перогамъ головы какъ усекати:
Один то я такои на свете взыскался,
А дрѹгои бы никто над меня не величался,
Я то вѣдаю какъ с киселемъ хрено оходитись,
Дратца с пирогами и опять помиритись,
Ибо я шлягтичь по шляхецки все постѹпаю,
Выторговать своровать оманѹть: все то я знаю
Право молодецъ есть разѹмны: и добры,
Днемъ ночью всегда пребываю бодры,
Что бы мнѣ чести великои не потеряти,
29 л. А чрезъ оманѹ днгъ наживати
Нн̃ѣ болше оманою на свете живѹтъ люди,
А мнѣ того не да Бже никогда и не бѹди,
И вамъ не советую в омманѣ пребывати,
И самъ не хощѹ в обманѹ встѹпати,
Кто бо в обманѣ всегда пребываетъ,
Тотъ с дѹшею и с теломъ пропадаетъ,
Ибо я в такои омане пребываю:
Что грехи своя покаяниемъ побеждаю,
И вамъ желаю в такои обмане быти
Чтобы возмогли все хрехи победити,
29 л. об. Какъ Христосъ нн̃ѣ всехъ враговъ победилъ
А насъ грешныхъ ѿ греха и ада свободилъ,
Такои я вамъ ѡбманы ѿ всего серца желаю,
А весною матѹшкою поздраляю,
Сие ѿ мене пожалѹите любовно всприяти,
А мнѣ за увеселение изволте по копѣечке дати.

В. Перетцъ.

